

ВИКТОРИЯ ЧУЙКОВА

От февраля до Москвы...

ПОВЕСТЬ

Виктория Чуйкова

От февраля до Москвы... Повесть

«Издательские решения»

Чуйкова В.

От февраля до Москвы... Повесть / В. Чуйкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837860-7

Когда твой привычный мир рушится от звука выпущенного и мимо приземлившегося снаряда... Когда ты неожиданно покидаешь свой любимый город и не надеешься когда-либо вернуться туда... Кажется, что жизнь несправедлива и все идет не так. Но! Основано на реальных событиях. Образ главных героев собирательный.

ISBN 978-5-44-837860-7

© Чуйкова В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

От февраля до Москвы...

Повесть

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2017

ISBN 978-5-4483-7860-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Звук автострады безжалостно врывается в наглухо закрытые окна из современных пластиковых пакетов. Сон был прерван и она, съезжившись, принялась прислушиваться. Гул машин, нервные сигналы клаксонов напомнили, что она не дома. Дома, в ее родном городе, бесконечно долгое время, за окнами была страшная «тишина». Там не гомонят люди, не гудит транспорт, не воркуют голуби на козырьке окна и не смеются дети. Там можно ходить по проезжей части и не оглядываться. В определенные часы. Большую часть суток лучше вообще никуда не входить. А ночью, ночью занять место в бомбоубежище. Там, в ее родном городе, воздух разрывала канонада артиллерии, «градов», «пионов» и свист пролетающих мимо снарядов, с обязательным взрывом, где-то совсем рядом, словно намекая, с издевкой, что следующий может быть твой. От взрывной волны дрожали стены, звенела посуда и стекла в окнах, заклеенных белой бумагой накрест. Поднимались клубы пыли и соседние постройки, если не падали как карточные домики, то подобно спичке загорались. Те же, кому посчастливилось, зияли дырами двух-трех квартир, заставляя соседей разбежаться в панике. Соседи... Были такие, что снимали свои последние минуты на камеру, или фиксировали гибель и ужас павших горожан, знакомых и просто прохожих... Кошунственно, скажете вы, нет – это единственное свидетельство никому не нужной гражданской войны, современного мира. Это истина, которую не смогут оправдать те, кто скрывается за звучной аббревиатурой АТО, кто цинично и преднамеренно убивает свой народ, посылая брата на брата, выкрикивая лживые лозунги, затуманивая головы половины населения, чтобы убить тех, кто думает иначе, не так, как кучка пришедших к власти олигархов. Там, в ее стране, толстосумы создают собственные армии, покупая наемников, освобождая заключенных, призывая идейных. Там, в столице ее бывшей Родины, президент-самодур с трибуны обещает детям зоны АТО «райскую» жизнь в подвалах. Там, в центре культуры ее бывшей страны, талантливые комики выставляют напоказ фотографии детских гробов, а «единый» народ, борющийся за целостность земель, хохочет над оборвавшейся детской жизнью. Вот это настоящий цинизм и полный упадок, не просто нравственности, это совершенная потеря ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

«От февраля до Москвы»... Зима. Конечно же, было в ее жизни прошлогоднее лето. Душиное, обжигающее, плавящее асфальт как намек, что вот-вот грянут перемены.

Была и осень, переменчивая, впрочем, как и всегда. За исключением того, что вместо золотой листвы она преподнесла Майдан. С обученными войне молодчиками, изображающими студентов. И студентами, согнанными для митинга под угрозой отчисления из вузов.

Был Новый Год. Все с тем же Майданом. Вот только лица и действия на нем сменились. Не уменьшилось в Рождественские каникулы тревог в приближении войны. Зато исчезли из города бездомные попрошайки и, словно в насмешку, их лица мелькали в экране телевизора, все на том же Майдане, только лозунги были уже другие, с кровавыми неразберихами.

«От февраля до...» Именно с февраля пришло полное понимание, что все планы, мечты и надежды рушатся в крахе, все еще ее страны.

Весна принесла небольшую надежду – стал свободный Крым. Да и жители ее края высказали свое слово. А сколько можно молчать?! Кто-то скачет на майданах, в то время пока в ее регионе работают. Но вот те, кто скакал, забыли, наверное, что на Донбассе живут не рабы, а труженики, думающие о своем будущем, о будущем семьи, родных, страны. И слово Донбасса было единым, полностью противоположным сторонникам «европейского будущего».

Но тут в жизнь ворвался Май – жгущая живьем Одессу. И пошел отголосок – бомбили Луганск, Горловку, Славянск...

Двадцать шестого мая была поставлена точка в надежде на мирное будущее. Двадцать шестого мая рабочий день Донецка был прерван всего тремя истребителями, летающими над высотками, бросающими бомбы на мирных граждан. Это потом, по украинским каналам объявят о терроризме России. Но они, дончане, встретились не с террористами и не с обвиненной Россией. К ним пришли нацисты, собственной страны...

Вспомнит ли кто об этом в учебниках Украины? Донбасс не забудет никогда!...

«От февраля до Москвы»...

Зима. Жизнь за окнами просыпалась раньше восходящего солнца. Она повернула голову к окну и тяжело вздохнула. Жизнь менялась кардинально, в мелочах. Ей нравился вид из окна. Широкая автострада, мост над железнодорожным полотном. Огни мегаполиса освещали квартиру даже в самые темные ночи. Понаблюдав за вереницей авто, медленнодвигающихся в возрастающей пробке, поднялась. Не включая свет, прошла на кухню и уже через пять минут пила чай, встречая рассвет, стоя напротив окна, не рядом, а в отдалении, практически у противоположной стены. Да, в ее жизни изменилось многое. Теперь она не накрывала стол, не ужинала у телевизора, а постоянно перехватывала что-то приготовленное на скорую руку и непременно стоя напротив окна. Все реже стелила постель, засыпая под ночные новости, на диване, укутавшись в теплый плед, не снимая одежды. Вздрагивала от сирен скорой помощи и сжималась, как только слышала приближающийся рокот вертолета...

*«Я не болею тобой от февраля до Москвы
Я не болею тобой, как сигаретами дым,
Я просто ветер опять, все просто смыло водой
Я закрываю тебя, я не болею тобой...»*

Глава 1

Ника не вдохновлялась осенью, видя в ней лишь уходящую красоту природы. Не восхищал ее золотой лист, воспетый поэтами. И, сколько она себя помнила, даже ребенком не «купалась» в листве, как ее одноклассники. Она не плела из умерших листьев веночки и не запечатлевала себя на фото в «золотой короне». В осени она видела лишь приближение зимы, пронизывающие ветра, несносные морозы, даже если погода будет больше склоняться к плюсу. Осень, для нее, пахла приближением конца.

Сентябрь. Осень едва ступила на порог, а уголки ее губ уже чуть-чуть опустились, да и глаза погрустнели. Правда, веселья ничто не предвещало, а последние полгода так вообще вся жизнь неслась под откос. Все менялось, все было шатким. Даже переезд в Москву, в чужой, хоть и такой желанный город, другой страны. Чужой не по душе, по исторически очерченным границам. Сегодняшний день был по-летнему жарок. Она, в легком бирюзовом платье, медленно переходила мост через Москву-реку, морщась от солнечных зайчиков водной глади. Настроение на нуле. Прохожие пробегали мимо, казалось, не замечая ее. И, как не странно, это именно то, что ей, в данный момент, было нужно. В таком же темпе она прошла Арбат, пару скверов, съела мороженое, сидя на скамейки у фонтана и подняла голову к небесам. Голубое небо изредка разбавлялось одинокими облачками, лениво проплывающими над головой, не гонимые ветром, а дрейфующими. Вот она – Москва! Город ее мечты. И не правда, что все дороги ведут в Рим. Все тропы, дороги, пути ведут сюда, в Столицу, в красавицу Москву. В мегаполис всех времен и историй. В хранилище истинности прошедших событий.

Прекрасный тихий день переступил на вторую половину и она, так и не осмелившись приняться за поиск работы, решила перекусить в кафе и, не спеша в свой новый, пусть и временный дом, гулять до истощения сил. Так прошло еще двое суток. Ни новых знакомств, ни ясности на будущее.

Пятый день сентября начался, как и предыдущие. Выпрыгнув из сна, выпив кофе, стоя напротив окна, затем, быстро одевшись, она поспешила в центр города, серьезно намереваясь купить газету, зайти в супермаркет и приобрести необходимые продукты, для экономии средств, а после этого, главное – разослать резюме по сайтам трудоустройства. Уже через час она спустилась в метро, а когда приехала на обозначенную планами ветку, толпа празддно-гуляющих туристов затянула ее с собой, пришлось отложить серьезно поставленные планы и повторить все то, что она делала почти неделю – бродить по незнакомым улочкам, знакомиться с достопримечательностями, вживаться в окружающий ее мир, становиться своей. Погода баловала. И когда, совершенно неожиданно, налетевший ветер поднял клубы пыли, она вспомнила, что без зонтика. И эта покупка была необходима, впереди долгие осенние дни. Вдали прогремело, ее плечи невольно ссутулились, голова склонилась. Она тут же исправила осанку, произнесла:

– Люблю грозу вначале мая... Только, ныне у нас осень, осень у нас, сейчас!

Крупные редкие капли упали к ее ногам. То тут, то там запестрели разноцветные зонтики и она, оглянувшись по сторонам, поспешила найти укрытие. Непогода была проворней ее и вот она, обняв себя руками, пряча лицо от воды, быстрым шагом пересекала открытые, почти пустые аллеи городского парка. Минута и вся ее легкая одежда промокла до нитки. Неожиданно, она услышала над головой некий навес между ней и непогодой. Дождь приглушенно стучал, падая не на нее, а на нечто мягкое. Затем она заметила справа от себя согнутый мужской локоть. Скосила глаза, не поворачивая головы, приподняла взгляд и разглядела твердую руку, державшую большой черный зонт. Тут же услышала, короткое: «Прошу!» И, придвинулась, ухватила двумя руками за предложенную ей руку, стесняясь посмотреть в лицо. Невольно ускорила шаг, поспевая за широкой мужской поступью. Так добрались до ближай-

шего бизнесцентра. Поднявшись на две ступеньки, повернулась и кротко глянула на спасителя. Добрая улыбка мужчины ее лет, выбила из колеи и она, не изучая его лицо, зато запечатлев в памяти душевность его взгляда, совсем тихо сказала:

– Спасибо!

– Пожалуйста! – ответил он весело и, собрав зонт, смешался с толпой.

Она вздохнула, вдохновившись коротким знакомством, поспешила домой.

Сутки прошли в энергической загруженности. Приготовив еды на неделю, разослав запросы предполагаемым работодателям, ей не оставалось ничего другого, как ждать, гулять и восхищаться архитектурой, музеями, выставками...

Усадьба Кускова, радушно открыв свои ворота, встретила Нику не только великолепием построек и ухоженностью парков, а и длинными очередями жаждущих культурного обогащения. Ей сегодня не хотелось созерцать полотна картин, или шедевры стеклодувов, ей желалось природы, последних солнечных лучей и как можно меньше человеческого гомона. Обойдя все аллеи, полюбовавшись архитектурно-парковым ансамблем, голландским и итальянским домиками, посетив оранжереи, изучив снаружи Эрмитаж, она обошла грот и присела отдохнуть на скамью у самой кромки воды. На душе было прекрасно и покойно. У нее даже возникло чувство, что она здесь уже была, что все запахи ей знакомы, что даже ступни помнят каждый камешек, коих касается подошва ее туфель. Было так хорошо, что и уходить никуда не хотелось. Так бы и сидела тут. А еще лучше, если бы вот здесь, на месте этой самой скамьи, был небольшой «Чайный домик», с видом на отражающейся в водной глади дворец. Что бы столик непременно был круглым, да накрыт крахмальной белой скатертью, в тонких кружевах. Самовар и маленькая, хрупкая фаянсовая чашечка, исключительно белая, ну разве что с тонкой каемкой золота. Чай ароматный, липовый. Мед в розетке, искрится на солнце. Ах, если бы...

Время к вечеру. Надо бы и домой. Но ведь так не хочется. Поднялась. Полюбовалась еще раз всей панорамой Кускова и решила не возвращаться назад, а последовать за людьми, праздно двигающимися мимо нее. Минут через пять поняла, что заплутала, в огромном парке, но упорно, следуя подсказкам навигатора в телефоне, пыталась выйти к транспорту. Еще минут десять и она уже стала распознавать звуки автострады, а значит и до остановки не далеко. И снова осень решила отомстить ей за нелюбовь. Набежали тучи, полил дождь. Тут-то она и вспомнила, что зонт еще не купила, беспечно отдаваясь теплым сентябрьским дням. Вышла на асфальтированную дорожку, огляделась по сторонам и ускорила шаг, направляясь к маячившей остановке. Сегодня на ней был легкий плащ, но и он не спасал от сырости, пронизывающей насквозь. И снова она, прежде чем понять, услышала приглушенный стук капель о прикрывающую ее ткань. Опять возник локоть, в строгом, черном пиджаке. На этот раз она не бросала кротких, застенчивых взглядов, не взялась за предложенную ей руку, а резко остановилась, развернулась и подняла голову. Удивление, легкий шок и...

– Вы?! Вы что, меня преследуете?! – выпалила на одном дыхании и замерла.

– Скорее уж работаю ангелом хранителем. – мягкий баритон, такой теплый и обволакивающий, просто обезоруживал своей задушевностью и она, набрав полные легкие воздуха, ощутила головокружение, возможно от переизбытка кислорода. Прикрыла глаза и замотала головой.

– Дышать разрешается. – продолжил мужчина, улыбаясь. И в этой улыбке не было ничего ироничного, надменного, оскорбляющего. В его лице, в том, как он стоял, слегка склонив голову к ней, в мягком покате сильных плеч, просто веяло заботой и щедростью. – Я так понимаю, вы к транспорту. – Она кивнула в ответ. Он приподнял локоть руки, в которой держал зонт, снова предлагая опору. Второй рукой указал куда-то вперед, говоря: – Прошу!

И она воспользовалась его предложением, прижалась к руке, укрываясь от усиливающегося дождя. Всего пару минут отделяло их от проезжей части. И когда она увидела стеклянный козырек остановки, когда собралась поблагодарить, он снова опередил, предлагая:

– Может, я подвезу Вас к дому? Вон моя машина, одиноко скучает у обочины.

– Ну, это как-то неудобно. Да и мне не далеко.

– Недалеко. – повторил он тихо, чуть приподняв голову. Они так и стояли, посреди тротуара, под одним зонтом, словно в одном, своем мире, ведомом только им. Теплом, сухом и уютном. Не замечая пронесившиеся мимо машины, оставляющие фонтаны брызг, не реагируя на пробегающих мимо людей. – Не далеко! – проговорил он еще раз, на этот раз громче и опустил голову, коснувшись ее волос. – Так, тем более! Само проведение посылает меня...

– Перевести старушку через дорогу. – сказала и засмеялась, впервые, за многие месяцы. Он подхватил шутку, продолжая сквозь смех:

– Ага! Надо же зарабатывать плюсики! Так как?

– Ну, мне...

– Родители говорили не садиться в машины к незнакомым мужчинам? Или не знакомится с незнакомцами?

– Если честно, и то и другое.

– А мы, как-то уже не чужие. – все еще смеясь отозвался он. – У нас есть даже общее имущество.

– Точно! Зонт!

– Все, хватит мокнуть. Я подвезу и точка.

Она чуть отстранилась, подняла голову, и он увидел голубизну ее бездонных глаз. Чистейшую, без малейшего отлива или примеси оттенков.

– Я просто подвезу Вас к дому! – произнес еще тверже и взял ее под руку.

Уже у подъезда, проведив до входной двери, он сказал:

– Кстати, меня Данило зовут.

– Данило мастер! Красиво. Главное – русское имя. А меня, просто Ника.

– Ничего себе, просто. Ника! Победа. – и поспешил к машине.

А она, не воспользовалась лифтом, пошла по лестнице, на седьмой этаж. И только вставляя ключ в дверь, поняла, что не стучит больше в висках, постоянное, заунылое: «От февраля до Москвы». Душа пела и она, заперев дверь, улыбаясь, выпустила строки наружу, тихо, с незаметной опаской, пропев: «А я иду, шагаю по Москве...»

«Бывает всё на свете хорошо,
В чём дело – сразу не поймёшь.
А просто летний дождь прошёл,
Нормальный летний дождь.
Мелькнёт в толпе знакомое лицо,
Весёлые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо
И летняя гроза...»

Вот уже месяц они встречались ежедневно. Он заезжал за ней после работы и они, словно роднее и не было никого на свете, держась за руки, гуляли по Москве. По выходным их встречи начинались с полудня и заканчивались после полуночи. Она призналась себе, что за этот месяц посетила кинотеатр в два раза больше чем в мирное время на родине. И обязательно, прежде чем отвезти ее домой, он останавливался на одной из смотровых площадок и открывал ей

Москву с нового места. А она, все больше влюблялась в этот город. И не только в город. Им было очень хорошо вдвоем, даже молчать. Он мог с легкостью рассмешить ее, едва пробежала тень грусти в ее прекрасных голубых глазах, которые он полюбил с первого взгляда. Он не пытал ее расспросами о прошлой жизни, ему было достаточно того, что она сама рассказывала. Хотя, нет! Ему хотелось знать о ней все и как можно больше. Но он ждал, когда она сможет высказаться, поделиться сокровенным, открыться. Он не оставался у нее, даже еще не поднимался к ней на этаж. И не звал к себе. Он знал – у них еще на все есть время. Много времени и все еще впереди.

А она. Она пела. Громко – когда была одна. Бурча под нос – когда шла с ним рядом, понимая, что не хочет терять его. Что хочет быть слабой, что может не стесняться ни своей радости, ни внезапно нахлынувших слез.

Приближалась первая дата со дня их знакомства. Ему очень хотелось это как-то отметить, порадовать Нику. Он не знал, считает ли она дни, так же как он, да и вообще, помнит ли ту, их первую, мимолетную встречу. Данило не готовил ничего грандиозного к этому дню, не время еще. Подарить цветы было бы банально, он и так их дарил, покупая у лоточниц во время прогулок и именно те, что выбирала она. Ему хотелось чего-то необычного, неординарного. Решение пришло само собой. Октябрь был холодным и дождливым, но очень богатым на премьеры новых постановок. А она, как-то в разговоре, призналась, что очень любит театр. Места были в ложе. Постановка хорошая. Рядом никого. И он любовался ею. Той искренностью, непосредственностью, что сохранилась в этой женщине. Она не была похожа ни на кого из его прежних знакомых. В ней не было алчности, капризности и вульгарности. Она принимала его таким, каким он был, довольствовалась тем, что предлагал. От этого и хотелось дать ей больше. Он грезил о будущем, даже не задумываясь, мечтает она об этом или нет. Он просто ждал удобного, подходящего момента, сделать ей предложение.

Спектакль закончился, они посидели в кафе. Было еще совсем не поздно, и они прогуливались Тверской, как вдруг внимание Ники привлекла группа людей, криками выражающих недовольство властью.

– Вот глупые! – не сдержалась Ника. – Это же надо так не любить страну.

– Ну, страна и власть, это разные вещи.

– Ты так думаешь? – Ника остановилась, подняла к нему голову, и он удивился перемене в ее взгляде.

– Да, я так думаю! – машинально ответил он, пытаясь понять, что ее так задело.

– Так иди, присоединяйся!

– Зачем?

– Как зачем?! Поддержать недовольных, высказать свою точку зрения.

– Ника! Я не хожу за толпой, но свою точку зрения имею. И я вижу разницу между Родной и теми кто у власти. Да, я не приветствую «служителей народа».

Она усмехнулась:

– Странно, я думала ты выше. – сделала паузу, отвела глаза в сторону: – Подобных склок.

– Подожди, кажется, я не совсем понимаю, что сейчас происходит.

– А что происходит? – она повернулась вполоборота и кивнула на митингующих. – Те, кто ничего не хочет сделать для себя, мечтает взять потребное устроив ор.

– Я не о них. Я о нас. У нас, как-то не в то русло пошла прогулка. Но я все же скажу свое мнение. Те, кто у власти, от государственного служащего до..., – машинально указал пальцем вверх: – избраны народом, и обязаны служить на благо этого народа.

– Да никто никому ничего не должен! – резко перебила она. – Подожди! – подняла руку, останавливая его дальнейшую речь. – Надо не орать, не завидовать, не осуждать, что у кого-то лучше, чем у тебя, а делать. Работать, прежде всего. Все, что вон те тут орут – это неуважение,

прежде всего к себе! Это не любовь к своей стране. Это возможность врагу нанести первый удар, от которого сами же и пострадают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.